

У понятия «молодой писатель» своя история. Впервые это словосочетание встречается в критике русского зарубежья – так в те времена называли поколение писателей-эмигрантов, что родились на рубеже XIX – XX веков, первые творения которых увидели свет уже за рубежом. В годы первых пятилеток понятие «молодой писатель», прежде всего, ассоциируется с «молодым» рабочим классом. Отныне молодой писатель – это пролетарий, труженик, станочник, в свободное время посещающий заводской литературный кружок. А литература – не просто хобби, а первое средство воспитания активной коммунистической молодежи.

Лишь после XX съезда понятие «молодой писатель» начинает обозначать молодого литератора-диссидента, не согласного с советским политическим курсом.

В наше время «молодыми писателями» называют всех, кто недавно взял перо в руки, но чаще всего – человека двадцати пяти-сорока лет, за плечами которого небольшой опыт публикаций.

И первое, что характеризует современную молодую литературу – эгоцентризм. Коммерциализация литературного процесса приводит к тому, что молодыми писателями все чаще становятся люди из других сфер масс-медиа – популярные блогеры, ведущие, певцы. Отдаваясь модным литературным поверьям, молодые авторы воспринимают литературу (как и всякое искусство) как площадку для самовыражения, смело отменяя коммуникативную функцию литературы. Нередко молодые писатели превращают свои книги в личный дневник, где доверяют сверстникам скандальные подробности своей жизни и всячески пытаются подать себя с неожиданной стороны. Все это приводит к надуманности, вычурности, размыванию содержания.

Вину за это легко переложить на авторов – дескать, не относится молодежь к литературе как к сокровищнице опыта, отрицает молодежь

поступательное развитие литературы и оттого пишет, что в голову взбрет. Таким радателям хочется напомнить, что в литературном процессе писатель – далеко не единственная фигура. Писатель напишет то, что сочтет «читабельным» издатель. Кроме того, пока будет спрос на наспех облагороженные «интернет-дневники», экстравагантные истории и выражи сюжета, писатель, желающий быть успешным, будет подстраиваться под этот незатейливый канон.

Среди современных молодых авторов, на мой взгляд, достойны упоминания – Игорь Савельев, Кирилл Рябов, Алексей Сальников, Евгения Некрасова. Лично мне импонируют молодые авторы журнала «Наш современник» – Андрей Тимофеев и т.д.

Как на этом фоне выглядят молодые прозаики журнала «Сибирь»?

Журнал «Сибирь» известен славными именами, высокохудожественными традициями, патриотической направленностью. Эти художественные принципы находили отклик как у прославленных (Максим Горький, Виктор Астафьев, Василий Белов, Валентин Распутин, Василий Шукшин и т.д.), так и у современных писателей (Шаргунов, и т.д.), произведения которых выходили на страницах «Сибири».

Радует, что молодые авторы «Сибири» стараются продолжать традиции журнала, среди которых лобовая правда, не приукрашенное изображение реальности, стремление найти ответы на современные российские и общечеловеческие вопросы. Они берутся рассказать читателю о жизни в отдаленных поселках, порицают социально неблагополучные явления действительности и находят нравственные проблемы даже в таком безобидном занятии, как кормление уток в парке.

Но и в этом своем благородном стремлении молодые авторы, на мой взгляд, не избежали некоторых ошибок. Формула литературно-художественного совершенства, как известно со времён Н.Г. Чернышевского (а лучше него на эту тему с тех пор не высказался никто) включает в себя три компонента: изображение новых сторон реальности, их объяснение и демонстрация личного отношения художника к описанному. Конкретизировав эту формулу, получим следующие критерии: высокохудожественное и оригинальное содержание, точный и богатый язык, глубокая мысль, в которой приоткрываются новые стороны реальности (или переосмысляются старые) – вот то, что люди ждут от талантливого произведения.

Отсутствие хотя бы одного компонента ухудшает впечатление от произведения, хотя, чего греха таить – среди непревзойдённых мастеров редко встречались всесторонне одаренные художники. Чаще всего, лучшие из лучших обладают одной, двумя гранями Писательского Таланта. Кто-то хорошо изображает, кому-то лучше удается осмысление, а кто-то

погружает читателя в такие дебри реальности, одно изображение которых требует исключительного таланта. И уж конечно, талантливое глубокое произведение немислимо без богатого и точного языка. Язык может быть любым в плане выбора средств, но всегда – богатым, точным, передающим все оттенки мыслей.

Любое произведение – прежде всего, это послание, сообщение, в котором литератор – не цель сообщения, но всего лишь передатчик, высокочувствительный прибор, который передает единственную, больше никому не доступную радиоволну. Как выразилась в своей книге... (не поверите) мисс Вселенная Оксана Фёдорова, «лично до вас никому нет дела, все заняты собой».

И, не будем забывать, ни один из критериев художественности нельзя рассматривать в вакууме, отдельно от задачи произведения, или нам пришлось бы обвинить «Старосветских помещиков» Гоголя в отсутствии развития характеров и сюжета.

Применим все нами сказанное к молодым прозаикам журнала «Сибирь».

Простую и ясную мысль доносит до читателя рассказ Дмитрия Максимова «Старые рисунки». Автор рассказывает о простых вещах, которые помогут вернуть смысл жизни после утраты любимого человека: например, подаренный котенок, или прежние студенческие увлечения. И хотя это звучит несколько наивно (бросается в глаза неравнозначность потери и приобретения), позиция высказана, выход найден. Рассказ лаконичен, даже скуповат, но вопросов к содержанию (не считая пары мелких моментов) не возникает.

Интересную проблему в своем рассказе затрагивает другой молодой прозаик номера Любовь Головина в рассказе «Утка по-азиатски». Отправившись на утреннюю пробежку в парк, героиня рассказа становится свидетелем душеспипательной сцены: несколько голодных гастарбайтеров пытаются поджарить на мангале утку. Но собравшаяся в парке общественность, конечно же, не позволяет им довершить начатое.

При желании в тексте можно увидеть и другие интересные детали. Например, разность культур. Пытаясь достучаться до совести гастарбайтеров, героиня рассказа спрашивает: «Вы и при своих детях животных убиваете?». Гастарбайтеры, конечно же, не понимают. И виноваты в этом не только языковой барьер, но и культурные различия. Ведь участие детей в национальном празднике курбан-байрам, где по обычаю зарезают молодого барана – обычное дело.

Но писатель не ограничивается комическим эффектом. Стандартную хохму про «тупых джамшуттов» автор оборачивает в нравственную

проблему. Показательно, что случайные прохожие встают на защиту утки, видимо, позабыв о причинах, толкнувших гастарбайтеров на этот поступок. Но для автора они – не ограниченные герои комедийного телесериала, а, прежде всего, люди. И как получилось так, вопрошает автор, что мы выдаём «человеческий билет» лишь тем, чей статус/уровень дохода/ образования не уступает нашему? На основании чего мы отказали в человечности Асхабам и Джамшутам? Только потому, что они слабо говорят по-русски?

Скажите, как часто, спеша по делам, мы обращаем внимание на неприметных выходцев из средней Азии, скромно скребущих метлой асфальт? И много ли нам, по горло занятым своими печальми, дела до их проблем? Но автор проявил талант писателя и разглядел в повседневном незажившие социальные раны. Однако молодому автору не хватило силы, чтобы разрешить ту непростую коллизию, которую он обнаружил. Ведь, согласитесь, проблема не решена. А сцена с подаванием нищему, успокаивая совесть автора, не даёт читателю ясности в том, как действовать в описанной ситуации. Автор понимает, что проблему он не решил и, словно для собственного успокоения, вводит ненужную и ничего не решающую сцену с подаванием.

Из этих соображений вышеописанную сцену с нищим считаю лишней – она, скорее, служит моральному успокоению автора, чем даёт читателю пищу для размышлений.

В целом произведение считаю удачным.

Что мы видим в рассказе «Сигналка» Юрия Харлашкина – другого молодого автора журнала «Сибирь»? Мы переносимся в один из поселков Иркутской области, где открыто торгуют наркотой и устраивают разборки на некой Тракторной. Главный герой рассказа – шестиклассник Сашка после школы промышляет рыбалкой. По многим деталям ясно, что живёт подросток в неблагополучной семье. Достаточно сказать, что любимое лакомство Сашки – маргарин. Когда герой собирался пойти на очередную рыбалку, на пороге «нарисовываются» социальные работники. Они придирчиво разглядывают небогатое хозяйство, ведут разговоры о лишении родительских прав нерадивой Сашкиной матери. Социальные работники устанавливают в доме противопожарную сигнализацию и уходят, но после первого же представления Сашка откручивает ее с потолка. А то крыша течет, печка коптит и лишний цирк тоже никому не нужен.

У меня вызывает глубокую симпатию то, каким образом, нагнетая детали, автор создаёт образ неблагополучной деревенской семьи и добивается комического эффекта, изображая органы социальной опеки, которые вместо своих прямых обязанностей дарят бесполезную в данных

условиях сигнализацию. Но, избобичая единичный случай, против какого явления в целом выступает автор? И выступает ли? Против новомодных технологий, бесполезных там, где нарушение техники безопасности – обыденная данность? Или автора забавляет дремучесть деревенского мальчишки, впервые в жизни увидевшего сигналку? Хотя не знаю, кого могут развеселить описанные в рассказе подробности жизни Сашки. Тут не до смеха – надо думать, что с этим делать.

Рассказу, на мой взгляд, не достаёт того финального аккорда, когда все детали складываются в стройную однозначную картину.

Юрий Харлашкин – писатель любопытный, пробующий силы как в литературе, так и в критике. И мы с нетерпением ждём выхода его романа «Кирилл и Мефодий», который автор пишет на русском и старославянском (!) языках. Но в малых формах, на мой взгляд, писатель уходит в модную нынче бессодержательность, представляя на суд читателя веселые незатейливые рассказы без особого смысла.

Рассмотрим рассказ Максима Живетьева «Чума в станице», написанный, как замечает автор, ещё до охватившей мир пандемии коронавируса.

Рассказ начинается разговором на базаре, из которого мы узнаем о чуме, захватывающей соседние деревни и села, а также встречаемся с главными героями – казаками Аглаем и Митяем. Кто они, в каких отношениях состоят друг с другом, и почему нам рассказывают именно о них – неясно. Из того же разговора мы узнаем, что наши весьма абстрактные герои собираются на некую заставу. Акцентируется внимание на покрасневшей при виде Митяя девушке Анюте.

Герои прибывают на заставу, видят поток беженцев, спасающихся от чумы. Вечером, когда Митяй пьёт квас, в избу вбегает невесть как взявшаяся здесь Анюта и просит казака забрать ее с собой. Что Митяй и делает.

Утром Аглай обнаруживает пропажу друга. А самого Аглая вскоре «разбивает кашель». В следующем абзаце кто-то стучится в ворота к Але. Скорей всего, «разбитый кашлем» Аглай. Ведь предыдущий абзац из одного предложения подготавливает к тому, что дальше речь пойдет об этом герое. Но, к удивлению читателя, за порогом оказывается отец Серафим. Священник зовёт на строительство храма, который предотвратит беду, но Аля, не дослушав, закрывает двери. У неё помирает отец – тот самый, насуспенный и молчаливый, о котором вначале рассказывали бабы. Аля признается, что беременна от Митяя.

Мы снова переносимся к Анюте и Митяю. Анюта заболевает. Как это произошло, когда? До, после встречи с казаком – понять невозможно.

Митяй беснуется, носится по лесу, поглощает недожаренного зайца вместе со шкурой, а над головой его «неистово мечутся звёзды». Первый раз за весь рассказ недосказанность обретает подобие приема. В неистовом беспокойстве звёзд – намек на помутненное от болезни сознание Митяя.

Выздоровевший Митяй возвращается на заставу, где встречает беременную Альку. Да и храм, который Аля, вроде бы, отказалась строить, уже возведен. Узнав, что новая (или, как выясняется, первая) подруга Митяя собирается рожать, переболевший казак (наверняка, носитель заразы) идёт ставить самовар. На этой мажорной ноте все и кончается, а умиротворённый читатель отправляется гадать – сколько еще проживут Аля и ее новорожденный?

К финалу все накопленные читателем вопросы превращаются в один большой – ради чего все затевалось? Ради чумы, о которой мы толком ничего и не узнали? Ради едва намеченной любовной линии Анюты и Митяя? В каком времени происходит место действия, к каким историческим событиям привязано? Охватившая станицы чума – реальное событие, или вымысел автора?

Легко запутаться и в географии рассказа. Например, где живут беременная Аля и ее заражённый отец? Из бабьего разговора ясно, что в селе. Но к середине рассказа вдруг выясняется, что на заставе. Или, испугавшись чумы, Аля и ее отец тайно от читателей бежали на заставу? Надеюсь, автор знает ответ на этот вопрос.

В тексте нет ни одного законченного элемента – автор слишком многое оставляет на усмотрение читателя. Это не лаконичность полноты, какую мы ценим, например, в рассказах Чехова, но краткость наброска.

Кроме многочисленных вопросов к строению «Чумы», вопросы вызывает и передающая народную речь лексика произведения. Все эти «сказывал», «гутарю» безнадежно отдают литературщиной. Как отмечал Тургенев, «русский человек говорит так, да не всегда и не везде». Вместо того, чтобы раскрыть перед читателем реальное состояние народной речи, автор пользуется давно устоявшимися формулами, кочующими из книги в книгу?

Но, может, писатель хорошо справился с задачей, и мои претензии надуманны? Рассмотрим другие произведения номера. Почитайте замечательные сельские очерки Натальи Колобовой, и у вас не возникнет ни одного вопроса, для чего они написаны. В рассказе «Поездка к сыну» Анна Фоминична, переехавшая в город для ухода за внуком, безуспешно пробует встроиться в мир невестки. Но та не способна и на капельку терпения: все свекровь делает «неправильно», не по-людски. Молодежь сейчас пошла самостоятельная, умная. Только прожить без «глупых нена-

вистных» стариков у неё почему-то никак не получается.

А в замечательном очерке «Дорогие мои старики» автор напрямую задаётся вопросом – откуда у старшего поколения столько жизненных сил? Откуда столько жизнелюбия? И почему, глядя на этих внешне хрупких, но невероятно стойких людей, чувствуешь себя словно под чьей-то защитой? Правда в том, что люди эти вынесли и пережили столько, что хватит на историю целой страны. Познав горе и тоску, они познали и цену радости. Поэтому, пока живы они, замечает автор, будем жить и мы.

А великолепная повесть Игнатия Пономарева «Шукшин», собравшая крупницы известного характера в живой и самобытный портрет?

Перед тем, как писать, автору стоит подумать о читателе, о том новом и полезном, что он узнает из произведения. А затем поставить конкретную задачу, например, рассказать о жизни небольшого северного поселка глазами коренного жителя, приезжего, или, допустим, рядового подростка. Или, если брать ближе к рассказу Максима – о чуме в казачьей станице, если это глубинный и ценный опыт, который расскажет что-то новое и жизнеутверждающее о характере Человека.

Ясная постановка цели позволяет избежать ненужных сцен и говорить только о главном, о типичном, что составляет суть высказывания. Работа эта сложная, не всегда подвластная разумному расчету. В процессе создания текста всегда будет вторгаться то, что, вроде бы, имеет ценность только для писателя (ценно только для автора). Поэтому часть литературной работы всегда будет строиться на доверии писателя к самому себе. Но главное при этом – не ударяться в крайности и найти золотую середину между техническим расчетом и тем, что подскажет интуиция.

В творчестве Максима Живетьева, как можно заключить из рассказа «Чума в станице», преобладает наитие – автор слишком полагается на свое «чутье», отвергая замысел и проработку текста. При том чутье у автора, безусловно, есть, просто не стоит его переоценивать.

Здесь настало время пояснить, почему моя статья называется «Зачем Дебил шляпу в речку уронил?». Все дело в том, что был у Василия Макаровича такой рассказ «Дебил», который полезно разобрать в контексте сегодняшней темы.

Василий Шукшин всегда привлекал меня умением ненавязчиво донести до читателя свое высказывание. Вроде бы ситуация, прямая и бесхитростная, живой неприукрашенный характер со своими заблуждениями и правдами, и тихий незаметный рассказчик, не перекрикивающий чужие голоса, но твердо стоящий на своем, сурово проверяющий героя законами жизни.

Главного героя рассказа Анатолия Яковлева в деревне называют

«дебилом».

«Какой же я дебил? Мне уж сорок лет скоро!» – удивляется Анатолий и поясняет, что «дебилом можно называть только дурака-переростка, который учиться не хочет, с которым учителя мучаются». Уже многое понятно из этого описания, но дальше – больше. Например, ремонтируя проводку в школе, Яковлев, несмотря на просьбу учителя, отказывается сделать отводку для настольной лампы.

«– Ни каких ламп! По старой ведём,» – хорохорится Яковлев.

«– Я хочу, чтобы было ясно вот здесь, за столом. Почему вы вредничаете?» – недоумевают учителя.

Здесь все уже начинают догадываться о причинах обидного прозвища... Все, кроме Яковлева. Желая избавиться от народной характеристики, он... покупает себе шляпу. Пока он в шляпе, рассуждает горе-интеллигент, ни у кого не повернется язык назвать его «дебилом». Но тот самый учитель, просьбу которого отказался выполнить нерадивый электрик, быстро обличает стремление «дебила» сойти за культурного человека, обратить на себя внимание за счёт «детали»:

«– Вам не хочется скинуть туфли, снять рубашку и так пройти по селу?»

Разоблачение обывателя, возмнившего о себе слишком много, довершает жест – желая напиться речной воды, Яковлев по деревенской привычке зачерпывает воду головным убором – той самой шляпой, что ещё недавно была его главным человеческим достоинством. Этот отчаянный жест – признание собственного поражения. Слезы Золушки, которую не спасли от разоблачения ни карета, ни хрустальные туфельки.

Вот так, без длинных авторских рефлексией писатель выводит мечанство на чистую воду. Это и есть искусство обманчивой простоты, когда взятое «прямоком из жизни» событие становится высказыванием.

В рассказах Шукшина говорит не автор, а его герои. Но говорят они настолько выразительно, что у читателя не остаётся сомнений, кто прав, а кто – поступился совестью.

Какой урок должны извлечь из этого молодые писатели? Умение выбирать такие ситуации, характеры и поступки, которые без длинных рассуждений покажут место героев в мире. Для этого требуются опыт и верно поставленная задача – большое и светлое окно, через которое писатель увидит истину. Главное – не путать его с замочной скважиной.

Надеюсь, сказанное в этой статье поможет молодым писателям «Сибири» сделать свои творения светлее, выразительнее, глубже и обрести верного читателя.